

Э. ФРАНЧЕС

ВИЗАНТИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДУНАЯ В VI в.

Румынская историография, излагая историю Траяновой Дакии после ухода римских войск, справедливо утверждала, что в последующие века население бывшей римской провинции продолжало поддерживать связи с населением Балканского полуострова. Высказывалось, однако, и мнение, что Римская империя, а затем ее преемница — Византия продолжали с небольшими перерывами владеть левобережьем Дуная до самого начала VII в. Все историки, занимавшиеся этим вопросом, считают, что во время Константина I и Юстиниана Византия владела полосой земли на территории, расположенной по левому берегу Дуная¹.

В. Пырван утверждал даже, что во время правления Юстиниана была образована провинция на левобережье Дуная, охватывавшая часть территории Баната и Олтении². Н. Йорга высказал мнение о «возобновлении» римской жизни на левом берегу Дуная в эту эпоху³. Существование византийского господства на левобережье Дуная в VI в. допускалось и в более поздних трудах, где утверждалось, что Юстиниан не отказался от мысли вновь захватить Траянову Дакию⁴.

Выдвигались различные объяснения политики Византии, направленной на укрепление ее господства на обоих берегах Дуная. В частности, высказывалось предположение, что путем создания передовых укрепленных аванпостов на территории самих «варваров» обеспечивалась надежная оборона Балканского полуострова от нашествия мигрирующих народов; что эти укрепления являлись в случае необходимости укрытием

¹ A. D. Xenopol. *Istoria Romînilor din Dacia Traiană*, ed. III, vol. 2. Bucureşti, p. 100; V. Pîrvan. *Contribuţii epigrafice la istoria creştinismului Daco-Roman*. Bucureşti, 1911, p. 189; N. Iorga. *La «Romania» Danubienne et les barbares au VI-e siècle*. «Revue belge de philologie et d'histoire», III (1924), 1, p. 47; i d e m. *Istoria Romînilor*, II. Bucureşti, 1936, p. 228; i d e m. *Danube d'Empire*. «Etudes byzantines», II. Bucarest, 1940, p. 204; N. Bănescu. *Bizanţul şi Romanitatea de la Dunărea de jos*. Academia Romîna. «Discursuri de recepţie», LXXII, 1938, p. 18—19; I. Minea. *Influenţa bizantină în regiunea Carpato-Dunăreană pînă la sfîrşitul secolului al XII-lea*. «Bul. soc. numismatice romîne», XXVII—XXVIII (1933—1934), p. 107; C. C. Giurescu. *Istoria Romînilor*, ed. I, vol. I. Bucureşti, 1935, p. 204; R. Vulpe. *The ancient history of Dobrogea*. Bucharest, 1940, p. 113; I. Nistor. *Romîni în Transdanuvia*. «Anal. Acad. Romîne», seria III, tom. XXIII, p. 588; i d e m. *Bizantinii în luptă pentru recucerirea Daciei şi Transdanuviei*. «Anal. Acad. Romîne», seria III, tom. XXV, p. 703; R. Ilie. *Centăţiele de la Dunăre şi rostul lor în secolul al VI-lea*. «Revista istorică», XI (1925), 1—3, p. 34; Al. Bărcăcilă. *Une ville daco-romaine-Drubeta*. Bucarest, 1938, p. 24.

² V. Pîrvan. *Contribuţii...*, p. 192.

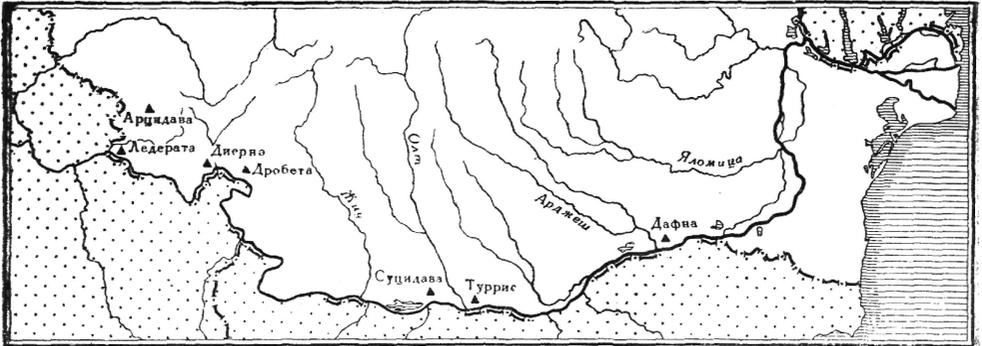
³ N. Iorga. *Istoria Romînilor*, II, p. 118.

⁴ D. Tudor. *Oltenia romană*. ed. II-a. Bucureşti, 1958, p. 363.

для византийского речного флота, наконец, что они служили для связей с романизованными элементами Траяновой Дакии ⁵.

К этому прибавлялись и доводы экономического характера. Предполагалось, что предместные укрепления на левом берегу Дуная позволили римским гарнизонам контролировать богатую зерном Олтению и рыбные промыслы в Дунайских поймах ⁶.

В своих утверждениях о византийском господстве на левобережье Дуная в VI в. все историки опираются на сведения, содержащиеся в сочинении Прокопия Кесарийского «О постройках», и на данные новеллы XI

Карта Левобережья Дуная в VI в.

о распространении церковной власти вновь созданного архиепископства в Юстиниана Прима на местности, расположенные на левом берегу Дуная. В этой новелле с высокомерием, характерным для стиля юридических сочинений времени Юстиниана, утверждается, что оба берега Дуная находятся под римским господством ⁷.

На основании этих и других данных, которые представляются довольно точными, историки пришли к выводу, что в VI в. под византийским владычеством находились по крайней мере следующие укрепления на левом берегу Дуная: в Банате — Ледерата, Зернес, Арцидава и многие другие крепости, названия которых у Прокопия не приведены; в Олтении и Мунтении — Дробета, Суцидава, Туррис (который, вероятно, находился на месте современного города Турну-Мычуреле); наконец, Дафна — у впадения Арджеша в Дунай ⁸.

Во времена Константина существование передовых постов на левом берегу Дуная, связанных с правым берегом двумя мостами в Суцидаве и в Дафне, является совершенно бесспорным. Это объясняется наступательной политикой римлян в области Дуная. Совершенно иным представляется положение в VI в. Письменные источники и археологические раскопки говорят о том, что Балканский полуостров в VI в. был совершенно не защищен. Лишь к концу столетия император Маврикий предпринимает некоторые попытки восстановить порядок, но они полностью проваливаются в результате восстания войск в 602 г. Прокопий, выражавший официальную линию византийской политики первого периода правления Юстиниана,

⁵ R. Ilie. Op. cit., p. 34.

⁶ D. Tudor. Arderea cetății Sucidavă. «Revista istorică română», XV (1945), p. 150.

⁷ Novellae, N XI, cap. II, ed. Schoell-Kroll. Berolini, 1904, p. 94.

⁸ D. Tudor. Oltentia..., p. 363.

т. е. времени завоеваний на Западе, подчеркивает в различных местах своих сочинений, что граница империи проходила по Дунаю, но нигде у него нет хотя бы намека на намерение Византии отодвинуть дальше на север эту естественную границу. Наоборот, его удивляет то обстоятельство, что нашествия варваров не могут быть остановлены на Дунае. Так, он указывает, что Дунай, протекая мимо Дакии, отделяет варваров, проживающих на его левом берегу, от римлян, владеющих правым берегом⁹. По поводу назначения Хильвудия начальником войск во Фракии Прокопий уточняет, что Хильвудий получил приказ сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать варварам перейти через Дунай, и за все три года его командования варвары не осмеливались проникать на территорию империи. Наоборот, он сам атаковал их на противоположном берегу и даже захватил пленных¹⁰.

Отсюда вытекает, что у Византии не было никаких наступательных планов в отношении левого берега Дуная и что в 530—533 гг., когда Хильвудий был военачальником Фракии, он предпринимал экспедиции лишь для устрашения народов, доходивших до левого берега Дуная. О том, что граница империи остановилась на Дунае, имеются свидетельства и в других произведениях Прокопия¹¹. Более того, этот историк упрекает Траяна за то, что, в силу своего горячего характера и честолюбия тот отважился на завоевание Задунайской Дакии¹².

Созданные византийцами весьма незначительные по размерам и отдаленные друг от друга на сотни километров предместные укрепления на вражеской территории не имели серьезного военного значения. Эти укрепления, которые, по-видимому, действительно были воздвигнуты в VI в. у Друбеты и Суцидавы по инициативе Юстиниана, представляли собой очень небольшие импровизированные укрепления, для постройки которых были использованы остатки старых военных построек; они фактически предназначались для защиты местного населения во время вражеских нашествий и не являлись военными укреплениями в подлинном смысле слова. Так, крепость VI в. в Друбете — это лишь шестиугольная башня на юго-западном участке бывшей крепости¹³. Небольшие размеры этой военной постройки дали А. Баркачиле право сделать вывод, что Юстиниан отказался от восстановления укрепления по ту сторону реки против Понтеса, т. е. близ Друбеты¹⁴.

То же самое можно утверждать и относительно Суцидавы. Восстановительные работы, которые приписывают времени Юстиниана, сводятся к построению одной башни¹⁵.

Таким образом, становится ясным, что не может быть и речи о византийском господстве на левом берегу Дуная, поскольку такого рода укрепления, о каких мы говорили, не имели существенного значения, не могли ни помешать переходу врага через Дунай, ни обеспечить охрану навигации византийской речной флотилии.

⁹ Procopius, ed. Haury, III (2), p. 125, De aedificiis, IV, 5.

¹⁰ Procopius, II, p. 354, De bello Gothico, III, 14.

¹¹ Ibid., VIII, 5, p. 508.

¹² Procopius, III (2), p. 128, De aedificiis, IV, 6.

¹³ Gr. Tocilescu. Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie. Bucarest, 1900, p. 141; Al. Vărcăcilă. Op. cit., p. 23.

¹⁴ Al. Vărcăcilă. Op. cit., p. 24. Данные Прокопия о населенных пунктах и укреплениях на левом берегу Дуная настолько приблизительны, что он использует для Друбеты вымышленное название, а именно — Теодора.

¹⁵ D. Tudor. Sucidava. «Materiale arheologice privind istoria veche RPR». București, 1953, p. 697.

Впрочем, на всем Балканском полуострове было так мало византийских войск, что варвары могли легко и в любое время переправиться через Дунай и проникнуть на территорию империи¹⁶.

При такой немногочисленности войск кажется совершенно невероятным их распыление по пограничным пунктам без всякой пользы для защиты империи. Все это дает нам право искать другое объяснение созданию подобных укреплений, приписываемых Прокопием Юстиниану, и другой смысл текста новеллы XI. Эта новелла, бесспорно, является официальным документом, и ее категорическое утверждение о том, что Византия стала вновь господствовать на обоих берегах Дуная и что Литерата и Рецидава, расположенные на левом берегу, находились под церковной властью архиепископа Юстиниана Прима, требует внимательного исследования. У Прокопия имеется указание на то, что в Литерате, которая раньше называлась Ледерата, Юстиниан построил большую и мощную крепость¹⁷. Другая местность, поименованная в новелле, Рецидава, не упоминается больше нигде, и несомненно, что здесь неправильно названа какая-то другая местность. Были выдвинуты различные предположения. Одни считали, что речь идет об Арцидаве, расположенной несколько далее, в глубине страны¹⁸; другие — о Суцидаве в Олтении (современная область Крайова)¹⁹. Нам представляется более правдоподобным первое предположение, поскольку трудно допустить, что можно было считать соседними местностями, расположенные на таком большом расстоянии друг от друга, как Ледерата и Суцидава.

Для полного выяснения этого вопроса необходимо представить себе историческое положение Балканского полуострова около 535 г., когда появилась новелла XI. Намного ранее 535 г. берега Дуная в Верхней Мезии по реке Мораве находились под господством гепидского или гунского вождя Мундо²⁰. Еще около 510 г. империя была вынуждена признать за ним занимаемую территорию²¹. После того как мощь остготов ослабела, Мундо, который до этого был их союзником, переходит на службу к Византии и становится *magister militum per Illyricum*. Как союзник Византии он разгромил и изгнал с Балканского полуострова в 530 г. протоболгар и гепидов²². После этого военного успеха, а может быть, и раньше, власть Мундо распространилась на территорию, занимаемую гепидами, т. е. на территорию нынешнего Баната, где находились Литерата и Рецидава, указанные в новелле XI. Так как Мундо перешел на службу к Византии и стал *magister militum per Illyricum*, Византия рассматривала территорию, находившиеся под господством Мундо, как вошедшие в состав империи. Но это далеко не означало, что Византия фактически владела этими территориями. Хорошо известны условия, на которых другие «варварские» военачальники — Аларих и Теодорих — стали византийскими военачальниками на Балканском полуострове. Характер их власти над занимаемой ими территорией ни в чем не изменился, а племенные союзы, находившиеся под их господством, не признавали другой власти, причем

¹⁶ Procopius, II, p. 354, De bello Gothico, III, 14; III, p. 114; Historia arcana, 18; Joannis Antiocheni. FHG, IV, p. 622; Agathias. Historiarum libri quinque, V. 10, p. 301; 12, p. 303; 14, p. 306. Bonnae, 1828.

¹⁷ Procopius, III (2), p. 126, De aedificiis, IV, 6.

¹⁸ V. Pîrvan. Contribuții..., p. 187.

¹⁹ D. Tudor. Sucidava, p. 701.

²⁰ C. Diclescu. Die Gepiden. Leipzig, 1922, S. 114—117; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934, S. 349, 534.

²¹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, vol. II. Bruxelles, 1949, p. 156.

²² Malalas. Chronographia, Bonnae, 1831, p. 451.

коренные жители признавали византийское господство лишь номинально (и то более в религиозном, чем в административном отношении) и фактически подчинялись власти «варварских» военачальников. Тем больше оснований предполагать, что именно так обстояло дело на левом берегу Дуная: ни гепиды, ни сами коренные жители, подчиненные гепидам, не перешли фактически под власть империи. Византийское господство было здесь формальным.

В Византии настолько слабо были знакомы с обстановкой левобережья Дуная, что даже официальные лица не знали точных названий местностей, расположенных там. Этим и объясняется, что в таком официальном документе, как новелла XI, могло появиться искаженное название местности Рецидава. То же самое наблюдается и у Прокопия, написавшего свое произведение «О постройках» по официальным документам. Говоря об укреплениях на левом берегу Дуная, Прокопий указывает, что, кроме Литераты, по указу Юстиниана было воздвигнуто много крепостей, но названия их он не уточняет. Объясняется это просто. Империя выдавала своему союзнику Мундо субсидии на постройку военно-оборонительных пунктов на территории, находившейся непосредственно под его властью. Однако само византийское правительство не знало, где и какие именно укрепления были построены, а потому Прокопий, всегда очень точный в названиях местностей, на этот раз говорит о них весьма неопределенно.

Свидетельство об истинном политическом положении в этой области мы находим в самом содержании новеллы XI. Там говорится, что епископ Аквасский получает специальные полномочия для борьбы против боносианской ереси во всей провинции *Dacia Ripensis*. Это мероприятие вполне соотносится с обычной религиозной политикой Юстиниана. Если бы Византия действительно осуществляла свою власть и на левом берегу Дуная, то она, естественно, должна была бы принять меры также против арианства, столь распространенного в областях к северу от Дуная, населенных германскими племенами.

В новелле CXXXI (545 г.), где приводится новый перечень провинций, находившихся под юрисдикцией архиепископа Юстиниана Прима, уже вовсе не упомянуты территории на левом берегу Дуная²³. Здесь не может быть и речи о каком-либо пропуске, и это легко объяснить. В 536 г. умер Мундо. Политическое объединение, созданное им, распалось. Отношения между Византией и гепидами становятся напряженными; гепиды занимают Сирмию, а империя отказывает им в субсидиях и ищет союза с лангобардами. В 539 г. гепиды вторгаются в Иллирию и опустошают ее. Таким образом, представляется естественным, что Византия не сохранила даже чисто формальной власти на левобережье Дуная; наоборот, она оказалась даже во враждебных отношениях с проживающим на этой территории населением. Вот почему в официальных документах после 536 г. названия местностей Литерата и Рецидава уже не упоминаются.

Из остальных крепостей, о которых предполагали, что они были заняты и восстановлены византийцами, следует сразу же исключить Зернес, Друбету и Туррис. Зернес наши историки смешивают с Дьерной — местностью, известной еще со времен римского господства²⁴. В действительности Зернес, о котором упоминает Прокопий, расположен на правом берегу Дуная, о чем византийский историк говорит весьма определенно.

²³ Novellae, № CXXXI, cap. III, p. 655.

²⁴ D. T u d o r. Oltenia..., p. 363.

Название Зернес (в *Dacia Ripensis*) упоминается и в *Notitia dignitatum* ²⁵, и Каниц отождествляет его с нынешним Шипом ²⁶.

Подобным же образом нельзя утверждать, что в Друбете имелись укрепления, воздвигнутые византийцами в VI в. Прокопий довольно категорично утверждает, что напротив крепости Понтес, на левом берегу, находилась Теодора, которая не была восстановлена, потому что она слишком часто подвергалась набегам чужих народов ²⁷. По описанию этого автора, Теодора полностью совпадает с Друбетой. Прокопий, который был заинтересован в том, чтобы превозносить строительную деятельность Юстиниана, безусловно, не умолчал бы о восстановлении какой бы то ни было, даже самой незначительной, крепости.

Для доказательства, что Туррис находился под владичеством Византии, обычно ссылаются на соглашение между византийцами и антами, по которому Византия уступала им крепость Туррис и окружающую территорию. По утверждению Прокопия, крепость Туррис, воздвигнутая Траяном за Дунаем, была покинута после того, как ее опустошили варвары ²⁸. Тот факт, что Прокопий говорит об уступке Юстинианом крепости Туррис антам, еще не значит, что Византия до этого фактически владела ею. Концепция Прокопия, как и других византийских историков и географов VI в., об универсальности и вечности Римской империи основывалась на том, что любая территория, принадлежавшая когда-либо Риму, рассматривалась как временно утраченная, но формально принадлежавшая империи ²⁹. Вся политика того времени была направлена на восстановление империи, и во всем сказывается эта тенденция. Таким образом, формулировка, использованная Прокопием, ни в коем случае не предполагает фактической уступки со стороны Византии, а является лишь официальным признанием уже совершившегося факта. Впрочем, и сам Прокопий говорит о том, что крепость была опустошена варварами и потому покинута, причем византийский историк не преминул добавить, что она была уступлена антам на основании прежнего права над крепостью, принадлежавшей когда-то римлянам. Археологические исследования подтвердили отсутствие какого-либо укрепления, воздвигнутого в VI—VII вв. на предполагаемом месте расположения крепости Туррис ³⁰.

Что касается вклада византийцев в укрепление Супидавы и Дафны, то мы считаем убедительными высказывания Прокопия об отношениях, которые Византия устанавливала с народами, расселившимися по соседству с границами империи. Характерны, например, в этом отношении неоднократные упреки, которые делает Прокопий императору в связи с его щедростью к «варварским народам», вызванной стремлением заручиться их доброжелательством ³¹.

Ярким примером отношений империи с соседними народами Дунайской зоны является договор, заключенный с антами. Как уже было сказано, Византия признавала за ними владения на левом берегу Дуная в районе бывшей крепости Туррис и выдавала им денежную субсидию взамен союза, по которому анты должны были противостоять гуннам в случае попытки со стороны последних проникнуть на территорию империи.

²⁵ *Notitia dignitatum*, № 37, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, S. 97.

²⁶ F. K a n i t z. *Römische Studien in Serbien*. Wien, 1892, S. 52.

²⁷ P r o c o p i u s, III (2), p. 128, 6, De aedificiis, IV, 6.

²⁸ P r o c o p i u s, II, p. 359, De bello Gothico, III, 14.

²⁹ O. V e h. *Zur Geschichtschreibung und Weltauffassung des Prokop von Caesarea*, I. Bayreuth, 1954, S. 19.

³⁰ G r. F l o r e s c u. Cetatea Turnu. «*Revista istorică română*», XV (1945), p. 439.

³¹ P r o c o p i u s. *Historia arcana*, 8, p. 51. 19; p. 121—123.

Вопрос защиты границ империи ставился не только в отношении какого-то ограниченного участка, а на всем течении Дуная, так как эти границы империя не могла бы охранять собственными, столь незначительными силами. Поэтому Византия стремилась заключить союзы и с остальными «варварскими» племенами левобережья Дуная, а следовательно, и с местным населением, представлявшим здесь постоянный элемент. Субсидии заключались не только в обычных дарах военачальникам, но и в обеспечении необходимых и достаточных средств для того, чтобы варварские племена и коренные жители, обитавшие вдоль побережья Дуная, могли защищаться и располагать надежными убежищами за стенами крепостей, если они отказывались помогать захватчикам в переходе через Дунай. Возведение укреплений было необходимо. Поэтому-то Бьюри и предполагает, что соглашение с антами предусматривало и восстановление за счет империи крепости Туррис³². Археологические доказательства отсутствуют, а Прокопий об этом умалчивает, поэтому можно предположить, что Византия не способствовала восстановлению крепости Туррис.

На других участках границы соглашение, вероятно, предусматривало построение укрепленных убежищ на средства, выданные византийцам. То обстоятельство, что Прокопий в сочинении «О постройках» приписывает эти мероприятия Юстиниану, объясняется тем же неизменным стремлением автора представить в лучшем свете строительную деятельность Юстиниана.

Археологические исследования в Суцидаве, которые в годы народной власти стали вестись тщательно и систематически, подтверждают эти гипотезы. Восстановление крепости Суцидава в VI в. ограничилось лишь постройкой оборонительной башни в юго-западной части старой крепости (при использовании материалов от развалин и весьма импровизированными средствами)³³. В найденном при раскопках инвентаре очень мало железных предметов, остатки вооружения незначительны, а это говорит о том, что башня не служила постоянным местом пребывания в ней регулярной воинской части. Большая часть площади внутри укрепления была предназначена для укрытия скота. Найденны здесь бронзовые разменные монеты времени Юстина I и Маврикия или подделки, принадлежавшие, должно быть, местным военачальникам³⁴. Все это позволяет сделать вывод, что восстановленное в VI в. укрепление было предназначено не для военных целей Византии, а для защиты местного населения, которое занималось скотоводством и проживало, вероятно, в близком соседстве. Не исключено, что эта крепость была воздвигнута на средства, предоставленные Византией в целях приобретения доверия и благожелательности населения, проживавшего вдоль границы империи. Интерес к такого рода союзам имелся вне всякого сомнения. Пример гепидов, которые помогли антам перейти через Дунай, получив взамен вознаграждение в золотых монетах³⁵, свидетельствует о том, насколько необходимо было для империи заручиться благожелательным добрососедским отношением со стороны жителей, населявших левобережье Дуная. Варварские народы не располагали судами для переправы через Дунай и могли приобрести их лишь у местных жителей. Весьма важно для захватчиков было обеспечить отступление через Дунай с награбленным имуществом в условиях обычного преследования императорских войск.

³² J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1923, p. 297, n. 2.

³³ D. Tudor. Sucidava, II. «Dacia», VII—VIII (1937—1940), p. 364; idem. Sucidava. «Materiale...», p. 697.

³⁴ Ibid., p. 734, 737.

³⁵ Procopius, II, p. 624, De bello Gothico, IV, 25.

Благожелательное отношение соседнего пограничного населения имело для империи значение и в том отношении, что таким образом империя могла воспрепятствовать переходу через Дунай беглецов с Балканского полуострова.

В VI в. Балканский полуостров был почти не населен. Прокопий объясняет это превращение Балканского полуострова в пустыню, подобную Скифии, частыми варварскими набегами³⁶. Агафий же говорит о том, что Заберган продвигался через Скифию и Мезию, которые были безлюдными пространствами³⁷. Трудно допустить, однако, что такое безлюдье было вызвано только частыми набегами варваров. Многие современники, как, например, Приск, утверждают, что жизнь под господством варваров была более терпимой, чем под византийским владычеством. Даже такие современники Юстиниана, как Прокопий и Иоанн Лид, писали, что нападение врагов менее ужасно, нежели появление сборщиков податей, и что император страшнее, чем варвары. При учете таких условий, вполне понятно, что население Балканского полуострова покидало свои места во время набегов или в периоды, когда появлялись сборщики податей, и искало убежища на территориях, расположенных вне пределов византийского господства. Союз с населением, проживающим непосредственно у границ империи, был полезен Византии, поскольку таким образом можно было воспрепятствовать уходу населения за пределы империи. Выдача беглецов являлась одним из главнейших условий заключаемых с этими соседними народами соглашений.

Переселение жителей правобережья Дуная в Задунайскую Дакию можно проследить и по многочисленнымкладам византийских монет, обнаруженным на территории Румынской Народной Республики. Большинство византийских монет — бронзовые разменные монеты времени Юстиниана³⁸. Площадь распространения этих монет была обширной и доходила до Трансильвании и Молдавии³⁹. Это говорит о том, что монеты принадлежали небогатому населению, которое со своими скромными средствами укрывалось за Дунаем от непосильных поборов.

В румынских народных традициях, относящихся к основанию Валахии (Цара Ромэняскэ), имеются сведения, связывающие образование страны с миграцией с юга; это, вероятно, отдаленный отклик на бегство населения с Балканского полуострова в Задунайскую Дакию⁴⁰. Во всяком случае именно таким образом объясняется укрепление местного романского элемента.

Массовым уходом населения и объясняются постановления новеллы LXV (538 г.) и затем новеллы CLXIII (575 г.), изданной преемником Юстиниана. В первой новелле предписывается выкуп пленных и оказание помощи бедным из монастырских средств Мезии⁴¹. Во второй новелле предусматривается ряд мер, направленных на облегчение положения мелких налогоплательщиков в провинциях Скифии и Мезии и аннулируется податная задолженность⁴². Разумеется, принимая такие меры,

³⁶ Procopius, III, p. 114—115, *Historia arcana*, 18.

³⁷ Agathias, V, p. 301.

³⁸ Irimia Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine în RPR. «Studii și cercetări de numismatică», I (1957), p. 203—204; O. Iliescu. Despre tezaurile monetare și viața economică în sec. III—XIV pe teritoriul țării noastre. «Studii», V, 1952, № 3, p. 181.

³⁹ I. Minea. Influența bizantină..., p. 107.

⁴⁰ D. Onciul. Originele Principatului Țării Românești. Opere complete. t. I. ed. Sacerdoțeanu. București, 1946, p. 183—189.

⁴¹ Novellae, № LXV, cap. I, 339.

⁴² Novellae, № CLXIII, cap. II, p. 750.

господствующий класс руководствовался не чувством сострадания, а лишь стремлением таким способом удержать от ухода разоренное налогами и нашествиями варваров население, а быть может, даже побудить некоторых из ушедших ранее вернуться обратно.

В отношении даты восстановления крепостей на левом берегу Дуная нет единого мнения. Одни историки утверждают, что эти крепости были восстановлены в 540 г., до большого нашествия протоболгар на Балканский полуостров⁴³, другие — что это имело место после нашествия⁴⁴. Никаких доводов в поддержку этих мнений не приводится. Некоторые исследователи, на том основании, что в Суцидаве было найдено несколько монет времен Юстина I⁴⁵, считают, что восстановительные работы начались еще в правление этого императора. Если учитывать, однако, что монеты императора сохраняли свою силу и при его преемниках, а также тот факт, что монеты, обнаруженные в задунайской Дакии, были найдены в большинстве случаев в кладах, зарытых людьми, бежавшими из южных территорий Дуная, то наличие монет времен Юстина I не может способствовать определению даты восстановления укреплений в VI в.

Что же касается Ледераты, то несомненно, что эта крепость была восстановлена в то время, когда Мундо был военачальником Иллирии, т. е. между 529 и 536 годами. После этого в результате ухудшения отношений с гепидами восстановление крепости с византийской помощью было лишено смысла.

В отношении крепостей Суцидава и Дафна вообще трудно прийти к какому-либо заключению; весьма возможно, что они восстанавливались между 530 и 533 годами, когда власть Византийской империи на Дунае была довольно прочной и военачальник Хильвудий имел большой престиж у славянского населения. Возможно также, что восстановление этих крепостей произошло во время кратковременного союза со склавинами.

Но ни в коем случае не может быть и речи о распространении власти Византии во второй половине VI в. на левобережье Дуная. Города Балканского полуострова получают в это время подлинную автономию, они содержат собственные войска, с помощью которых отстаивают свою независимость и против империи, как, например, город Дризипера⁴⁶, и осмеливаются даже изгонять войска императора, как это сделали, например, жители города Асемона⁴⁷. Жители этого города даже утверждали, что они получили свои привилегии от Юстина II, преемника Юстиниана. Естественно, что в подобных условиях, когда города, расположенные на территории империи, приобретали самостоятельность, поселения на левобережье Дуная тем более находились в полной административной независимости от Византии, а склавины к тому же постоянно враждовали с империей.

⁴³ E. Stein. Histoire..., p. 340.

⁴⁴ Ch. Diehl. Justinien. Paris, 1901, p. 244.

⁴⁵ D. Tudor. Sucidava. «Materiale...», p. 740—741.

⁴⁶ Theophylactus Simocatta. Historiarum libri octo. Bonnae, 1834, VII, 14, p. 297.

⁴⁷ Ibid., VII, 3, p. 274.